

18+

КСЕННЯ ЕПАНЧИНА

Уголёк
от сердца

Ксения Епанчина
Уголёк от сердца

«Издательские решения»

Епанчина К. В.

Уголёк от сердца / К. В. Епанчина — «Издательские решения»,

1773 год. Итальянский художник Антонио Лоренци покидает Сиену с сердцем, опалённым утратой. Его посылают в Речь Посполитую — написать портрет невесты маркиза. Но в пути его предают, оставляют умирать в лесу... и спасает его девушка по имени Алёна — одинокая сирота из заброшенной деревни. Из пепла прошлого между ними разгорается искренний свет. Вместе они пройдут через опасности, недоверие и страх — и откроют для себя, что даже самый маленький уголёк от сердца способен согреть целый мир.

© Епанчина К. В.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Приказ маркиза и несносный художник	6
Глава 2. Портреты памяти и дорога в неизвестность	9
Глава 3. Обманчивый переводчик и засада в лесу	12
Глава 4. Спасение в темноте	15
Глава 5. Дом укrywшегося сердца и язык без слов	17
Глава 6. Зорька и дорога	20
Глава 7. Путь вдаль и дар отцовского ножа	23
Глава 8. Лесные тропы и пробуждение души	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Уголёк от сердца

Ксения Владимировна Епанчина

Дизайнер обложки Ксения Владимировна Епанчина

© Ксения Владимировна Епанчина, 2026

© Ксения Владимировна Епанчина, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0068-6665-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Приказ маркиза и несносный художник

1773 год, резиденция маркиза Луиджи Бонавентура ди Кастеллана, Сиена, Италия.

Маркиз сидел на резном стуле с высокой спинкой, и лениво чистил яблоко перочинным ножом, снимая с него спиралью зелёную шкурку. Шкурка, цепляясь за кружевные манжеты, то и дело повисала, подобно гирлянде, чем выводила маркиза из себя. Его меланхоличный взгляд следил за движениями маленького ножа, а губы на бледном лице были вытянуты в трубочку. Очистив яблоко, и едва только отрезав маленький его кусочек, маркиз уже собрался было отправить его в рот, как тяжёлая дубовая дверь распахнулась, и появившийся на пороге слуга в роскошной ливрее объявил:

— Антонио Лоренци по Вашему приказанию прибыл, Ваша светлость!

— Проси! — коротко ответил маркиз, проглотил кусочек яблока, и вытерев пальцы и рот батистовым платком с монограммой, откинулся на спинку стула.

Слуга поклонился хозяину и вышел. И спустя мгновение, в распахнутую дверь вошёл человек. Это был высокий, крепкий мужчина, с аккуратно стриженными короткими волосами и небольшой бородой. Ему было немногим более сорока пяти лет, но жизнь уже посеребрила его бывшие когда-то чёрными, как ночь, волосы. Под суровым взглядом Антонио из-под слегка сдвинутых бровей, маркиз невольно поёжился, ловя себя на мысли, что в присутствии его всегда чувствует себя маленьким мальчиком, который прогулял урок.

Маркиз величественным жестом указал Антонио на стул. Ни говоря по-прежнему ни слова, Лоренци прошёл через устланный персидскими коврами пол роскошно обставленного кабинета и сел на указанный ему стул. Воцарилось минутное молчание, в ходе которого пришедший буравил маркиза тяжёлым взглядом, а тот, не находя себе места, решил встать и начать расхаживать по комнате. Почувствовав резкий запах скипидара, исходивший от плаща художника, а на кончиках сапог его заметив следы свежей краски, маркиз поморщился и, помахав платком перед носом, подошёл к окну и приоткрыл его створку.

«Проклятье!», думал про себя маркиз, «я чувствую себя так, словно это он, а не я плачу деньги и приказываю!». Да, именно так — Антонио Лоренци был ни кем иным, как художником. Более того — портретистом! Ученик лучшего из Сиенских художников, Антонио, вот уже несколько лет выполняет заказы маркиза Бонавентура ди Кастеллана и его ближайших родственников — с таким вкусом и изяществом, что тот вынужден терпеть несносный характер этого мрачного человека. Даже находиться с ним в одном помещении маркизу всегда было как-то тягостно, хотя он не смог бы и самому себе объяснить природу этого страха. Тряхнув головой, как бы желая выбросить все тяжёлые мысли из неё, маркиз решительно схватился за спинку своего стула, и, сжав её нежными пальцами, произнёс скрипучим высоким голосом:

— Антонио, ты отправляешься в Речь Посполитую, в Минск! Завтра же! — выпалил он скороговоркой и слегка сжался, словно стараясь спрятаться за стулом в ожидании бурной реакции. Однако, художник только удивлённо поднял бровь и сказал низким, как гул старого церковного колокола голосом:

— К-куда?

— В Речь Посполитую! — повторил маркиз и вздёрнул нос. — Тебе надлежит написать портрет моей наречённой невесты.

— П-портрет Вашей н-невесты? — спросил Антонио и откинулся на спинку стула, сложив руки на могучей груди. — Ваше сиятельство желает, чтобы я написал п-портрет Вашей невесты? Но почему, ради всего святого, Вы не можете заказать портрет у местного художника? Для чего Вы изволите отправлять меня в такую даль?

Маркиз поморщился, однако не стал напоминать Антонио о том, что в общении с ему подобными не подобает задавать лишних вопросов.

— Антонио, ты знаешь мой вкус, — махнув тонким платочком в воздухе, сказал Маркиз, — а пишешь так похоже! А что я знаю о местном художнике? Ровным счётом ничего! Тот художник может легко меня обмануть! Он может написать красавицу, а вдруг моя невеста не хороша собой?

— А это действительно имеет значение для Вашего с-сиятельства? — скептически спросил Лоренци, глядя маркизу прямо в глаза.

— Разумеется имеет! Ведь я живу открыто, бываю при дворе! Представь себе, какой позор меня ждёт, если вдруг окажется, что моя жена — не красива! Мне будет просто стыдно смотреть в глаза королю!

— Тогда п-почему бы Вам не выбрать невесту из б-ближайшего окружения? Разве в Италии мало к-красавиц?

— Антонио! — фыркнул маркиз, топнул ногой и заходил по комнате. — Это можно сказать «политический брак»! Моей семье необходим этот союз — для налаживания... эм... торговых связей и... впрочем — это не твоего ума дело! С какой это стати ты требуешь от меня отчёта?

— Я вовсе не т-требую отчёта, Ваше сия-тельство. Я т-только уточняю детали.

— Насколько мне известно, у моей невесты есть две сестры и кузина, а потому, если она окажется не хороша собой, я смогу договориться о браке с другой девушкой в том же семействе. Но Анна Косовская — так зовут мою невесту — по слухам — невероятная красавица! А потому, я очень рассчитываю на твой талант, Антонио, и на правдивость и честность твоей кисти!

Антонио встал во весь рост, и маркиз, почувствовав себя неловко, поспешил вновь встать за спинку стула.

— Всё это мне с-совершенно не нравится, Ваша с-светлость! — начал Антонио. — Я должен ехать чёрт знает куда, не понятно на ч-чём, и в конце к-концов — я даже ведь языка н-не знаю! Мне нужен п-переводчик хотя бы!

— Не переживай, я дам тебе точный адрес и письмо к отцу моей невесты. А кроме того, ты поедешь туда не один! — выпалил маркиз.

— Д-да?

— Да, вот именно! Я уже обо всём договорился! С тобой поедет монах — брат Панфило ди Сан-Джованни, из Монастыря Святого Франциска в Ассизи.

— М-монах? И чем же он мне может быть п-полезен, скажите на милость?

— А он как раз и будет переводчиком!

— Д-да так ли?

— Да! Епископ мне обещал! Он сказал, что брат Панфило — «знаток языков и очень образованный человек». Кроме того, у него также есть собственная миссия — он доставит письмо в епископат в Минске. Так что дело это уже решённое, Антонио. Деньги на проезд и пропитание, а также на разные другие непредвиденные расходы, тебе сегодня же выдадут, а завтра утром ты отплываешь! Я пришлю за тобой карету.

Лоренци молча кивнул и вышел, хлопнув за собой дверь. Семейные портреты маркиза Бонавентура покачнулись на стене, а лицо маркиза заиграла зловещая улыбка.

Покинув замок, художник направился пешком к себе домой. Проходя чередой извилистых улочек, образованных прижавшимися друг к другу каменными домами, он размышлял об этом внезапном и таком сомнительном поручении маркиза. С одной стороны, Антонио вовсе не прельщала поездка в Речь Посполитую. С другой же стороны он не мог не признать того факта, что маркиз ему прекрасно платит — и при том — золотом! А потому он не имел намерения отказываться от такого заказа. Тем более, что ему и вправду — давно надо было бы сменить обстановку — может быть в дороге мысли его развеются?

Думая таким образом, Лоренци отправился к себе домой, чтобы дать распоряжение своему слуге, да приготовить материалы для написания портрета: холсты на подрамниках, мастихины, палитры, кисти, красители для приготовления красок. Ведь одному Богу известно — есть ли в этом далёком и диком краю хорошие красители! «Богу известно?» — повторил про себя Антонио, на мгновение остановившись и нахмурившись. «Бога нет!» — подумал он и, решительно махнув рукой в воздухе, ускорил шаг. «А если он и существует, то ему глубоко наплевать на меня, на красители, и вообще на всё, что происходит на Земле!». Сказав так про себя, он бросил полный укора взгляд в небеса, и ещё решительнее зашагал к своему дому.

Глава 2. Портреты памяти и дорога в неизвестность

Утром следующего дня Антонио сидел за столом у окна в гостиной своего скромного дома, служившего одновременно студией. Этот дом не представлял из себя ничего особенного внутри: белёные штукатуренные стены и земляной пол, простая дубовая кровать в углу, да письменный стол с табуретом. В углу, укрытые большими кусками бледно-жёлтой материи, стояли три этюдника. Но именно в этом доме и родился Антонио-художник, которого знала теперь вся Сиенская знать и за полотна которого не жалели выкладывать тысячи золотых монет.

Подставив тусклым рассветным лучам едва поднявшегося Солнца раскрытый медальон, он рассматривал два маленьких портрета, каждую чёрточку которых он знал наизусть.

Из его широких ладоней с миниатюрных портретов на него смотрели две пары глаз — молодой цветущей женщины с огромными карими глазами, полными доброты и любви, и озорные глаза мальчишки на лице, как сильно похожем на его — Антонио — собственное лицо. Сколько раз он смотрел на эти портреты, а всё равно каждый раз сердце его наполнялось при виде их глубокой скорбью и болью. Вот и сейчас плечи его опустились, а глаза наполнились слезами. Сквозь них смотрел Лоренци на милые черты и шептал слова любви двум самым близким своим людям — жене и сыну, которых так жестокого и рано забрала смерть. Семь лет прошло, как их не стало. Но он так и не смог оправиться от потери.

Услышав внизу перед домом какой-то шум, Антонио вытер глаза рукавом и, спрятав портреты в мешочек, повесил его на шнурке на шею. Ещё раз оглядев свой чертог, он проверил кошелёк на поясе и разные мелкие вещи и, убедившись в том, что ничто не забыто, а нож надёжно спрятан за пазухой, художник вышел на улицу. Утро дышало свежестью и по узким улочкам ещё тянуло ночной прохладой. Нежно-сиреневое небо было безоблачным, обещая прекрасное начало путешествия.

Здесь перед ним предстала удивительная картина. Прямо напротив лошади, запряжённой в маленькую карету, на которой ему предстояло отправиться в путешествие, стоял тучный лысый монах в коричневом одеянии с капюшоном. Лет ему было примерно столько, сколько самому Антонио. В руках он держал маленькую библию и что-то бормотал. Антонио подошёл к нему и прислушался. Совершенно невозмутимый и важный, монах читал на латыни молитву над головой лошади, положив на лоб животному широкую ладонь.

«Вот и ещё один фанатик!», подумал Антонио и, возведя глаза к горе, подошёл к монаху поближе.

— Д-доброе утро! — приветствовал его Антонио.

— Доброе утро, сын мой! — отозвался монах и веснушчатое лицо его озарилось весёлой улыбкой.

— Вы, насколько я понимаю, брат П-панфило, не так ли?

— Совершенно верно, сын мой! — ответил монах и быстро закивал головой.

— А что это Вы тут д-делаете с этой лошадью?

— О, я благословляю сие прекрасное животное на добрую дорогу, господин Лоренци! — сказал он и протянул животному кусочек моркови, вынув его из кармана.

— Можете называть меня Антонио, брат Панфило!

— Хорошо, Антонио! — отозвался монах и тепло улыбнулся. — Я закончил с молитвой, так что мы можем ехать!

— Извольте! Я готов!

Усевшись в карету рядом с новым знакомым, Антонио ещё раз бросил взгляд на родной порог, помахал рукой своему приказчику, напомнив ему, чтобы ждал хозяина через месяц-дру-

гой домой, и дал знак кучеру трогаться в путь. Кучер свистнул, и карета с грохотом неспешно покатила по городу, увозя в неизведанный доселе мир художника и монаха.

Антонио откинулся на спинку сидения и окинул взглядом своего нового знакомого. Внешне брат Панфило представлял собой типичного монаха, которых во множестве бродят по Сиене и Ассизи с кружкой на перевес, собирая милостыню для своих приходов. Весь пол кареты у ног монаха был уставлен корзинками со съестными припасами и бутылками с вином. Вот и сейчас монах жевал с удовольствием какую-то булку, смазанную добрым слоем паштета. Из всего этого зрелища Антонио заключил, что, либо приход ди Сан-Джовани не бедствует, либо и брату Панфило маркиз положил хорошее содержание в дороге. Одно вот только смущало Антонио — не было видно при себе у монаха книг кроме библии. Почему-то ему казалось, что у такого прекрасного знатока языков, каким его описал маркиз, должны быть с собой в дороге хоть какие-то книги — хотя бы для развлечения ума в предстоящей дороге. Однако, спрашивать было как-то неловко, и Антонио погрузился в собственные размышления о предстоящем путешествии и работе.

«Кто такая эта Анна Коссовская? Что особенного было в её семье, что маркиз из Сиены готов вступить с ней брак?». Антонио вздохнул и нахмурился. Маркиз прав — не его это ума дело! Какая ему, в сущности, разница на ком собирается жениться его покровитель? Но всё таки... он не мог отделаться от мысли, что всё это выглядело подозрительным.

«Было время, когда я подумать не мог о том, чтобы покинуть родной город хотя бы на неделю. А теперь я еду в другую страну и рад этому» — продолжать размышлять Антонио. «Рад, потому что мне тяжело видеть город, в котором каждый уголок напоминает мне о моей невозполнимой потере». Антонио выглянул из окна кареты и вгляделся в окружающие дома. «Вот — возле этой лавки зеленщика я впервые увидел мою жену. А в этой кондитерской пекут пирожки с изюмом, которые обожал мой сын. А вон там — у Фонтана Радости — они любили прогуливаться всей семьёй». Да, каждый уголок, каждый камень булыжной мостовой — всё помнит о его самых счастливых днях! О днях, подобных которым уже никогда в его жизни не будет.

— Антонио, сын мой, о чём вы думаете?

Этот внезапный вопрос вернул Лоренци к действительности.

— Ч-то? — переспросил он.

— Вижу, ваше чело омрачено какими-то тяжкими думами! Поделитесь со мной, сын мой, и вам сразу станет легче! — сказал Панфило и расплылся в мягкой улыбке. — Возможно, предстоящий нам нелёгкий путь тяготит ваши думы? Не стоит переживать, Антонио, мы в руках Господа нашего!

— Нет, брат П-панфило, предстоящий путь меня не пугает. Я хотя я много лет не покидал Сиены, всё же я рад отправиться в путешествие. Слишком многое здесь напоминает мне о моих утратах. И знаете, я не верю в то, что Бог что-либо держит в своих руках, потому что он не сберёт то, что было мне дороже всего на свете.

Улыбка исчезла с лица монаха. Сделавшись серьёзным, он сказал:

— Сын мой, ваша скорбь мне понятна. Но, подобно Иову, мы не должны сетовать на Бога, а вместо этого должно нам уповать на его милость. И будет нам воздано за наши потери и возвращено с избытком всё утраченное.

— П-простите, Панфило, но я не верю. Вы не сможете убедить меня в этом.

— Я не буду пытаться. Сама жизнь всё расставит на свои места, и вы обретёте вновь всё, что было потеряно. Как говорит священное писание — достаточно иметь веры с горчичное зёрнышко! Я видел, как вы прошептали слова молитвы, когда мы проезжали мимо церкви. Значит вы не до конца отвернулись от Бога. Всё, что вам нужно сделать — довериться ему.

— Благодарю вас, брат П-панфило, за такое участие! Но скажите мне лучше вот что — правда ли, будто говорят, что-то вы — большой знаток языков и человек весьма образованный?

— О, мне приятно, что кто-то дал мне столь лестную характеристику. Я действительно обучался языкам и в нашей обители в Ассизе, и ездил к братьям в Рим, где переписывал письма святых отцов. Там я общался с прихожанами из самых разных уголков Европы!

— А были ли среди них люди из Речи П-посполитой?

— Полагаю, что да. *Experimenta est optima rerum magistra!*

— Воистину! — согласился Антонио.

Панфило чувствовал в Анторио Лоренци какую-то загадку, и боль, скрытую в глубине его души. Но в то же время видел искры давно погасшего света в его мрачных глазах. Возможно, со временем, из этих маленьких искр вновь разгорелся бы огонь? Но что могло бы раздуть их пламя — монах не знал. Как проводник веры, он понимал, что исцеление души должно проходить постепенно и что лишнее упорство и старание могут только усугубить проблему. А потому он не стал спорить с художником, предоставив времени расставить всё по своим местам.

Глава 3. Обманчивый переводчик и засада в лесу

В продолжение утомительных трёх недель — до самого Бреста — дорога не преподнесла путешественникам ровно никаких сюрпризов. Деньги маркиза, его имя и письма, а равно и неплохое знание братом Панфило немецкого и австрийского языков, позволили странникам без каких-либо особых хлопот преодолеть Болонью, Милан и Вену. Не тратя времени на осмотр достопримечательностей, твёрдо придерживаясь избранного до Бреста маршрута, путники продвигались в ожидаемом темпе.

Однако, очутившись уже в самом Бресте, Антонио был неприятно поражён и обескуражен невероятным открытием!

— Брат Панфило, вы что совершенно не говорите ни по-польски, ни по-русски?!

Надо признаться, что монах всё время с момента пересечения Брестских ворот, бормотал на странной смеси латыни, немецкого (в который он добавлял для чего-то страшный итальянский акцент, хотя до этого говорил на нём чисто), хлопал глазами и растерянно улыбался.

Лоренци ревел, как раненный медведь, и был готов рвать на себе волосы от негодования. Стоя у ворот ратуши, Антонио хотел уже объявить своему спутнику, что в таком случае они не могут продолжать путь, и им необходимо возвращаться на Родину, как неожиданно к ним подошёл благообразного вида молодой человек и на ломанном итальянском сказал, что готов быть их проводником и переводчиком, если они ему заплатят.

Это новое знакомство так обрадовало Панфило, что он едва не захлопал в ладоши, услышав такое предложение, и принялся воздавать Богу горячую благодарственную молитву за посланного им помощника и проводника. Однако, что-то неуловимое смущало Антонио в этом молодом человеке. Юзэф, как он сам себя назвал, был щегольски одет, хотя и заметно было, что одежда его местами потёрта. Как бы отвечая на не высказанный вопрос Антонио, новый знакомец пояснил, что он — образованный молодой человек, что имеет стеснение в деньгах, а потому и подвизается к иностранным господам в провожатые, т.к. прекрасно знает свою страну и бывал уже во многих её местах, знает кратчайшие пути и лучшие способы добраться до пункта назначения.

В конце концов, речи Юзэфа усыпили бдительность всегда скептически настроенного Антонио, и тот согласился продолжить путь к своей цели в сопровождении этого проводника. На вопросы о том, какими дорогами и через какие города и сёла они будут ехать, Юзэф отвечал твёрдо и без запинки, тыкая веточкой ивы в какую-то странную копию европейской карты старого образца, с надписями на не понятном языке, а его глаза смотрели на обоих путешественников с такой честностью, что не поверить ему было уже просто невозможно.

Не откладывая в долгий ящик, услуги проводника-переводчика были щедро заплачены вперёд и тем же вечером все трое — Юзэф, Антонио и Панфило — отправились в Пинск. Панфило очень не нравилась перспектива ехать лесной дорогой на ночь глядя — без ужина, но Юзэф уверял, что этот путь — самый короткий, да и Антонио повторял, что надо спешить, потому что они и так потратили на дорогу уже более трёх недель, а ведь им потом предстоит ещё и обратный путь. Юзэф заверил брата Панфило, что уже к полуночи он будет иметь сытный ужин и тёплый угол в самом лучшем постоялом дворе, какой только можно найти в округе, и это сделало перевес в пользу немедленного отправления в путь.

Несмотря на то, что уже стоял конец апреля, в новом для путников мире не было особых признаков расцвета весны. Там и сям лежали ещё остатки грязного талого снега, дороги были грязны. Стоило тёплым Солнечным лучам исчезнуть за горизонтом, как воздух становился прохладным, и Панфило прятал озябшие руки в полы своей рясы, натягивал капюшон на голову и беспрестанно ворчал по поводу «безумного холода», с которым ему приходилось здесь бороться во имя Церкви.

Темнело. Ехали не спеша. Антонио тревожно выглядывал через маленькое окошко, пытаясь разглядеть в ночи, освещённой лишь тонким месяцем и звёздами, хотя бы какие-то признаки приближения к деревне или постоялому двору. Что-то зловещее было в этой тишине, нарушаемой только фырканием лошади, да хлюпаньем грязи под колёсами кареты. Юзэф сидел на козлах рядом с кучером, и поза его казалась Антонио напряжённой.

Карета покачнулась на очередном повороте, и обогнула большой валун, лежавший прямо на обочине дороги. Внезапно, откуда-то из-за валуна раздался пронзительный свист, от которого у Антонио похолодело всё внутри. Лошадь испугано заржала, и карета остановилась. Панфило, очнувшись от дремоты, испуганно пробормотал:

— Что это такое?

— Разбойники, — коротко ответил Антонио, и вытащил из-за пазухи нож.

Панфило перекрестился и, прижав к груди библию:

— Сын мой, вы ведь никого не убьёте, правда? — пробормотал он.

— Б-боюсь, брат П-панфило, в противном с-случае убьют м-меня. И Вас, кстати, тоже.

Монах принялся молиться на латыни.

— Брось это, б-брат Панфило, — иронично заметил художник, — может у т-тебя есть что-нибудь более серьёзное для спасения с-своей жизни?

— Нет, Антонио, Господь осуждает насилие! Я буду молиться!

— В таком с-случае сиди здесь и молись и за меня тоже. Хотя вряд ли Господь захочет с-спасти жизнь с-своему неверному сыну, — сказав это, Антонио выскочил из кареты и, быстро оценив обстановку, всё понял.

Юзэф завёз их в засаду! Карету окружило шесть человек, включая его! Все они были вооружены и в руках держали ножи и дубинки. Кучер уже лежал мёртвый на сырой земле, и Антонио прекрасно понимал, что силы не равны, но и сдаваться без боя он не собирался, а потому, прорывав итальянское ругательство, он бросился к тому из разбойников, что был ближе и начал бой.

Завязалась схватка, и Антонио демонстрировал неожиданную для Юзефа сноровку в ведении ближнего боя я ножах. Нет, это не был бой по правилам доблести и чести! Движения Антонио выдавали в нём человека из их же круга! Из круга воров и убийц! Он использовал плащ и финтил.

Юзэф даже с некоторой горечью подумал о том, что придётся убить такого ловкого итальянца! А ведь из него мог бы получиться прекрасный напарник в разбойничьем деле! Ну а теперь ничего не поделаешь — судьба его была решена! Обойдя с тыла и пользуясь темнотой и общей суматохой, Юзэф ударил Антонио по голове дубинкой и тот, падая, получил скользкий удар ножом по плечу.

Уже теряя сознание, Лоренци чувствовал, как чьи-то руки шарят по его телу, в карманах, как кто-то вытащил у него из всё ещё сжатых пальцев нож. Юзэф сорвал с его шеи мешочек с портретами и, не найдя содержимое его сколь-нибудь ценным, отбросил портреты куда-то в сторону. Затем он нашёл конверт с письмом от маркиза, но, видимо, не найдя ценным и его, также отбросил его. Антонио смутно слышал, как взвизгнул от ужаса Панфило, затем звук падения и громкий хохот разбойников. Всё это промелькнуло так быстро, словно в одну секунду, а следом его накрыла тьма и глухота.

Антонио не слышалось — Панфило действительно взвизгнул от ужаса, когда во внезапно раскрытой дверце кареты он увидел ужасного вида косматую и грязную рожу разбойника, держащего факел в вытянутой в сторону руке и щерясь наполовину беззубым ртом. От страха монах просто потерял сознание и его тут же выволокли из кареты, бесцеремонно швырнув на грязную дорогу. Он также был обыскан, но если с Антонио сняли кошель с золотыми монетами, а также шёлковый галстук, шерстяные штаны, сапоги и сюртук, то с монаха взять было решительно нечего.

Юзэф и его подельники не стали распрягать лошадь, да так и угнали её вместе с каретой, деньгами, едой, бельём, красителями, холстами и прочим художественным инструментарием Антонио. Поворотя карету назад — другой дорогой, они стремительно скрылись в лесной чаще. Разумеется, так как Антонио и Панфило не могли догадаться о том, что замышляет их проводник, и что дорогу он указывает вовсе не к Пинску, а в глухую деревню, давно покинутую своими немногочисленными обитателями. По крайней мере, разбойники считали эту деревню покинутой...

Глава 4. Спасение в темноте

Было холодно, мокро, темно, пахло сырой землёй. Голова гудела и болела безумно. Где-то поблизости ухала сова. Антонио лежал, боясь пошевелиться и открыть глаза. Панфило не было слышно. В голове Лоренци промелькнула мысль — не убили ли его спутника? Но встать и проверить это он не мог — всё тело его болело, и голова безумно кружилась — даже думать было больно. Впрочем, с трудом размышлял Антонио, думать осталось не долго. Совсем скоро он умрёт и, наконец-то, встретится с женой и сыном, если только Господь пустит такого грешника, как Антонио Лоренци, в свой дивный сад, именуемый эдемом, в котором непременно должна быть его семья — две чистые безгрешные души, полные света.

Откуда-то издали послышался какой-то непонятный шум. То ли шаги, то ли хлюпанье грязи. Звуки эти приближались не спеша, словно продвигались на ощупь, не уверенно... или крадучись. Свет. Что это такое? Антонио поморщился и, приоткрыв глаза, увидел мутный свет. «Значит, так и выглядит конец?», подумал он, и тяжело вздохнув, закрыл на секунду глаза, и открыв их снова, сквозь туман увидел лицо. Лицо белокурой женщины.

— П-пречистая дева Мария! — прошептал Антонио, — неужели т-ты сама лично решила забрать мою душу и п-проводить её к твоему сыну?

Ответом ему была тишина. Но нет, Антонио не сошёл с ума и не бредил! Над ним в самом деле склонилась молодая женщина с факелом. Её светлые волосы сияли в его свете золотом, а потому Антонио и показалось, что перед ним сама Богоматерь. Голубые глаза её смотрели на него с тревогой, а тёплая ладонь с немного шершавыми, как показалось ему, пальцами, легла на его щёку, потрогала шею — там, где неровно билась ещё его жизнь.

Больше он ничего не видел, т.к. решил глаз больше не открывать. Однако, к своему удивлению, он чувствовал и слышал. Слышал, как чьи-то лёгкие шаги сперва отбежали куда-то в лес, затем — послышались звуки скоро работающего топора, а следом — шорохи и снова шаги. Затем, чьи-то руки подтолкнули его в плечо и бедро, и он перевалился на живот. В нос ему ударил пряный запах еловой хвои. Затем руки толкнули ещё раз, и он перевернулся на спину. Чьи-то руки проделали ему под мышки верёвку и завязали её у него на груди. Лошадь где-то совсем близко, зафыркала, зачавкала по грязи копытами и скоро пошла, подгоняемая женским голосом, который шептал в ночной тишине слова на не понятном ему языке:

— Зорька, давай, родной! Осторожнее! Шибче, шибче! Поспешай!

Спустя несколько минут, Антонио снова перевернули на живот — на сей раз на мешковину или грубый холст, от которого пахло калёным железом, и он чувствовал, как его волокут по доскам, наспех положенным вдоль ступеней лестницы. Не таким он представлял себе свой конец и даже не мог подумать, что в раю есть лестницы, и что по ним таскают волоком! Затем вдруг стало тепло, под спиной он почувствовал что-то мягкое, похожее на выделанную шкуру, и внезапно последние силы оставили его. Лёгкие его наполнила смесь сдобы и ароматного дыма от дров. Он впал в забытие.

Антонио провалился в тяжкое забытие без снов, и не мог видеть, что та же женщина, которую он принял за мать Господа, уже вернулась обратно на тропинку, и тем же способом, каким она доставила к своей скромной хате его, она доставила на двор и брата Панфило, который всё ещё пребывал в обморочном состоянии. Не видел он также, что она сдалась перед тщетной попыткой втащить монаха в дом — ведь тот был тучен и весил в два с половиной — три раза больше Антонио, и просто укрыла его несколькими слоями еловых ветвей и грубой ткани, а у самых ног его — впрочем, на безопасном расстоянии, она наскоро развела костёр, используя лучину, зажжённую от растопленной в хате печи, для безопасности огородив его стеной из булыжников.

Один только раз за эту ночь Антонио пришёл в себя — когда почувствовал на себе добрые руки, которые разорвали его рубашку и по частям стащили её с него. Тёплая влажная тряпка коснулась его плеча, и которого ещё сочилась кровь, и в воздухе запахло странной смесью запаха его собственной крови и каких-то неведомых трав. Антонио приоткрыл глаза и воззрился на женщину перед ним. Она склонилась почти к самому его плечу. Лица её он не мог разглядеть — оно было скрыто в тени, отбрасываемой лучиной, стоящей на грубо сколоченном табурете рядом с ним на полу, и видел только ореол золотистых волос вокруг её головы, светящихся подобно нимбу.

— Т-ты — ангел? — снова спросил он и в пересохшие губы его вместо ответа просочилась тёплая жидкость терпкая на вкус. Рука всё продолжала омыwać его рану, а веки тяжелели и вновь наступила тишина и темнота. Но холодно больше не было. Было тепло и отчего-то уютно. Антонио всё ждал, когда же придут его жена и сын, но отчего-то они не приходили. Наконец, Лоренци заснул и затих.

Очнувшись Антонио только на третьи сутки под утро. Разбудил его странный звук, объяснение которому он не мог сразу найти. Однако, открыв глаза он сразу понял его природу. Прямо у него на груди устроился большой чёрный пушистый кот. Кот сидел — или, вернее, лежал — подложив под грудь свёрнутые лапки, и внимательно и неотрывно смотрел в лицо Антонио своими потрясающими глазами, цвета первых весенних листочков, и громко мурчал. Это гортанное урчание отдавалось эхом в лёгких Лоренци. Он вдохнул полной грудью, и рука самопроизвольно потянулась к шее в поисках мешочка с портретами. Но его не было. Антонио сразу же вспомнил всё, что с ним случилось и огляделся.

Он находился в каком-то небольшом доме — явно старом, но аккуратном. На окнах стояли шербатые горшки с геранями, в углу красовался лик какого-то святого, маленький стол был чисто вычищен, и за ним восседал брат Панфило, сосредоточенно очищающий печёную картофелину. Заметив его движение, брат Панфило закудаhtал, запричитал и, аккуратно положив не дочищенную картофелину в деревянную тарелку, поспешил к своему спутнику.

— Сын мой, — обратился он к Антонио и присел рядом с ним на край длинной и широкой лавки, — хвала небесам, вы живы! — Сказав это, монах сложил ладони в молитвенном жесте и возвёл глаза к потолку. — Услышал Господь мои молитвы!

— Г-где мы? — спросил Антонио, едва разомкнув пересохшие губы.

— Мы в доме благочестивой девы Альёны! — пробормотал Панфило и весело похлопал кота по спине, от чего тот покосился на него и поспешно покинул тёплую широкую грудь художника. — Она была послана нам небесами, чтобы спасти нас от неминуемой гибели!

— Ч-что?

— Неужели ты не помнишь, Антонио? — спросил с тревогой монах. — Юзэф нас предал, завёл нас в западню и нас едва не убили! Ты был ранен в голову и руку! Но дева Альёна тебя вылечила! А для меня она развела костёр и поддерживала его так долго, пока я не пришёл в себя и не смог сам зайти в её дом. А кучер, к сожалению, погиб. По словам девы Альёны, мы ехали вовсе не в сторону Пинска! Нас завезли по неверной дороге в лес и спасло нас только то, что деревня Альёны находится совсем не далеко от того места, где нас бросили! Она как раз возвращалась домой из лесу, когда заметила нас и спасла. Хвала небесам! Аминь! — при-
сокупил монах и, перекрестившись, поспешил обратно к столу.

Глава 5. Дом укрывшегося сердца и язык без слов

Едва только брат Панфило успел откусить картофелину, как дверь отворилась и в избу вошла молодая женщина — ей было едва за двадцать. Встретившись глазами с Антонио, она слегка улыбнулась и воскликнула на не понятном ему языке:

— О! Как славно, что красивый барин проснулся! Помогла таки свет-трава!

— Да, да! — отозвался Панфило из-за стола. — Очень вкусно! — сказал он причмокивая и посыпая картофелину солью.

Алёна — а это была, разумеется, та самая дева, о которой только что говорил Панфило — подошла к лавке, на которой лежал Антонио, и сказала, указывая то на его плечо, то на своё:

— Надо осмотреть рану.

— Ага, хорошо, — пробормотал Лоренци, поняв её без перевода, — видимо, т-ты знаешь в этом толк.

Он приподнялся и, морщась от боли, присел, позволив снять со своего плеча белую хлопковую повязку. Верх его тела был обнажён, а рядом на лавке лежала чистая домотканая рубаха. Осмотр раны показал, что заживает она быстро и Антонио ничего не грозит. Девушка улыбнулась ему, без слов говоря о том, что всё хорошо, и, тряхнув несколько раз повязкой в воздухе, отбросила её к очагу большой печи, находившейся посреди избы. Взяв чистую рубаху, которую уже заметил Антонио, она положила её ему на колени и отошла.

— С-спасибо!

Девушка погладила кота, примостившегося на лавке неподалёку от Панфило, и, взяв деревянную миску, положила и себе картофелину. Взглянув на Антонио, она сделала приглашающий жест рукой и это тоже было ему совершенно понятно. Он не без труда поднялся с лавки, одел рубаху, которая на удивление оказалась ему в пору, и сел рядом с монахом.

— Антонио, — сказал он, приложив руку к груди и глядя в глаза своей спасительнице.

Девушка на секунду задумалась, и отозвалась:

— Антонио? Прямо как Святой Антоний! А я Алёна.

— Альёна... — произнёс Лоренци на итальянский манер. — С-спасибо тебе! — сказал он и сделал поклон головой, приложив руку к груди.

— Ой, да ладно! — отозвалась она, махнув рукой. — Как говорил наш приходской священник — отец Григорий: «Господь учит нас помогать ближним в беде!». Так ведь, брат Панфило?

Монах не понял, что она сказала, но по вопросительной интонации, совмещённой с его именем, он догадался, что она о чём-то спрашивает его.

— Да, да! Конечно!

— Отец мой, — шепнул Антонио, подтолкнув монаха в пухлый бок, — т-ты ведь с-сказал, что не п-понимаешь местных языков.

— Это так и есть, сын мой!

— Тогда п-почему ты только что ответил на её вопрос ут-твердительно?

— Ну, я просто подумал, что она говорит что-то хорошее. Посмотри на неё — она ведь улыбается!

Оба мужчины посмотрели на неё. Она действительно улыбалась им.

— Такие добрые глаза не могут врать, сын мой! — продолжал рассуждать Панфило, благоговейно улыбаясь Алёне в ответ.

— Да, мы с т-тобой уже имели удовольствие уб-бедиться на собственном опыте, что глаза действительно не могут врать. А т-то, что нас едва не убили, не считая того, что мы находимся неизвес-стно где, не знаем языка, лишены денег... Как ты т-там говоришь? Господь любит нас? Ха! Чёрта с два!

— Помилосердствуй, сын мой! — возмущённо воскликнул Панфило, и обернувшись к нему, перекрестился. — Именно потому что Господь и любит нас, мы сейчас живы, и едим эту прекрасную пищу, — сказал он и воззрился на очередную картофелину. — Кстати о пище, — сказал он, и, посмотрев на девушку, которая сосредоточенно чистила картофелину, спросил:

— Алёна, скажи — а нет ли у тебя мяса? Ну, или птицы?

Панфило изобразил голосом сначала мычание, показывая рожки, а затем кудахтанье, руками изображая крылья, и закончив свою пантомиму тем, что покрутил ладонью вокруг своего упитанного круглого животика и, прищурившись, почмокал губами. Девушка явно поняла его и, разведя руками в стороны, улыбнулась и сказала:

— Весна не мясна, осень не молочна! Нет!

Панфило явно понял её ответ и, тяжело вздохнув, взялся за очередную картофелину.

— Божья ласка даст нам хлеб и мяско, — сказала девушка. — Вы кушайте, кушайте, — сказала она, жестами призывая Антонио угощаться.

— Алёна? — обратился к ней Антонио.

— Да? — отозвалась она.

Лоренци приложил руку к шее и пальцем стал изображать шнурок. Затем круговым жестом обвёл своё лицо и показал два пальца. Алёна задумалась на секунду, а затем, встав из-за стола, подошла к лавке, где он лежал и, приподняв старый тулуп, вытащила из-под него маленький мешочек. Антонио привскочил со своего места и, стремительно подойдя к Алёне, сжал в руках драгоценный предмет. Открыв мешочек и убедившись в том, что оба портрета на месте и не пострадали, он с облегчением улыбнулся и посмотрел в глаза девушке.

В её небесно-голубых глазах он, с высоты своего роста, увидел глубочайшее понимание. То понимание, которое разделяют между собой люди разных народов, но которое и без знания языка понятно каждому, кто испытал на собственном опыте что значит потерять того, кого любишь.

Она протянула ему кусок бечёвки — с явным предложением сделать из него новый шнурок на шею, чтобы прикрепить к нему драгоценный мешочек.

— С-спасибо, — прошептал Антонио, взяв в руки бечёвку и прижимая к груди драгоценные миниатюры.

— Они красивые, — сказала Алёна с лёгкой и, как показалось художнику, грустной улыбкой, и сделала приглашающий к столу жест.

Есть Антонио хотелось безумно, а потому, он быстро обвязал мешочек и, завязав новый шнурок, повесил его себе на шею. Решив отложить дальнейшие расспросы, Антонио сел за стол и принялся за еду. Печёный картофель был на удивление вкусным, а зелёные острые листья какого-то растения, предложенные Алёной в дополнение к картофелю, были слегка жгучими и приятными на вкус.

— Что это т-такое? — спросил Антонио, приподняв над столом один из зелёных листочков и вопросительно глядя на Алёну.

— Это черемша, сказала она, оглянувшись и возвращаясь к столу.

— Ч-черемеча? — попытался было повторить Антонио, чем вызвал тёплую улыбку на лице хозяйки.

Панфило протянул один надкушенный листок к носу кота, который сидел рядом с ним, как бы предлагая попробовать. Тот расчихался в ответ и, распушив свой роскошный хвост, неторопливо прошёл вдоль лавки и уселся поближе к хозяйке.

— Даже кот считает, что лучше бы чего-нибудь мясного! — с грустным вздохом заметил Панфило.

Антонио усмехнулся, глядя на чрезвычайно печальное выражение лица своего спутника, и Алёна на секунду замерла — так преобразилось лицо этого мужчины от улыбки. Когда она притащила волоком этого великана в дом, он сам был похож на разбойника — весь грязный,

борода всклокочена, рукав в крови. Но сейчас — в чистой рубахе её покойного отца, которая пришлась ему в пору, с чистым лицом и этой милой улыбкой, он имел очень приятный вид. Пожалуй, она даже могла бы назвать его красивым.

Почувствовав её взгляд, Антонио отчего-то смутился, и улыбка исчезла с его лица.

Остаток трапезы прошёл в тишине. Убрав остатки еды со стола, и вымыв тарелки смесью золы и мокрого снега, Алёна вытерла руки о передник и выпустила кота на улицу, готовясь вскоре последовать вслед за ним. Оглянувшись по сторонам, Антонио заметил у своей лавки пару старых разношенных сапог. Он подошёл к лавке и принялся их внимательно разглядывать, вертя в руках и прикладывая подошву к пятке, приподнимая ногу. Сапоги оказались в самый раз по ноге! Он уже собирался их обуть, как Алёна подошла сзади и, положив руку ему на плечо, дала понять, что просит его присесть. Он повиновался.

Девушка села рядом с ним на лавку и положила подле себя два длинных и не слишком широких куска белой материи. Повернувшись к Антонио, она сказала:

— Дай ногу, — и указала на его ногу пальцем.

Он вопросительно на неё посмотрел и не пошевелился. Тогда она склонилась к его ноге, и, обхватив его голень обеими руками, положила его ногу себе на колени. Без промедления Алёна взяла кусок материи в какие-то считанные мгновения обернула весь его вокруг стопы и голени Антонио, после чего вернула ногу на место и, взяв подходящий сапог, помогла Антонио его обуть.

— П-почему ты не бросила нас т-там — на дороге, Альёна? — спросил Антонио, устремив на неё вопрошающий взгляд.

Алёна молчала. Добрым — почти материнским — был её взгляд. Этому взгляду отчаянно хотелось верить! Тем временем, девушка молча села по другую сторону от Антонио и сделала и со второй ногой то же, что и с первой. После этого она вышла из дому, и Антонио вместе с Панфило последовали вслед за ней.

Что побудило эту одинокую девушку вмешаться в дела провидения и принять под свой кров двоих совершенно не знакомых ей мужчин? Одно только доброе сердце, бившееся в её груди. Она была убеждена, что этих двоих несчастных ей не стоит опасаться. А потому, возвращаясь домой лесной дорогой, и увидев их, она не стала долго раздумывать и решила их спасти. Чтобы не тащить этих людей на себе до дома — тем более, что путь был не такой близкий, Алёна соорудила из крупных еловых ветвей волокуши и с помощью своего коня — её верного спутника и помощника — притащила их к дому, стоявшему на окраине заброшенной деревни. А потому, дорогой читатель может быть совершенно уверен в том, что ничего сверхъестественного и, тем более, ангельского не было в этой простой земной женщине.

Глава 6. Зорька и дорога

Солнце стояло уже высоко и приятно пригревало. В голубом небе порхали и пели птички. В упоительном воздухе слышались звуки весёлой капли и журчание грязной воды, текущей по дороге ручьём. Пахло прелой прошлогодней листвой и жухлой мокрой травой. Прямо посреди небольшого двора прыгали воробьи, подбирая показавшиеся из-под снега семена прошлогодней травы. Откуда-то совсем издали доносились звуки перелётных птиц, возвращавшихся в родные края. А росшая у поворота дороги старая берёза была украшена едва начавшими пробиваться листочками.

Антонио оглянулся по сторонам, глядя вправо и влево вдоль дороги. Вокруг виднелось несколько хат, наполовину разрушенных и явно заброшенных. Не было слышно ни людских разговоров, ни лая собак. Только ветер гулял меж домов, играя наполовину оборванными ставнями. А у самого края деревни — с противоположной стороны — виднелась маленькая каменная церквушка. Купол и крыша её прогнили, а окна смотрели на мир безучастными ко всему глазами. Было ясно, что эта церковь уже позабыла, когда в последний раз в ней проводили службу и читали проповедь. Антонио оглянулся и оглядел двор.

От дров, собранных в завалинку, исходил приятный аромат берёзовой древесины. Брат Панфило глубоко вдохнул полной грудью полный запахов воздух и, точно повинаясь какому-то древнему инстинкту, направился к небольшой завалинке, и, присев на неё, расправил подол своей рясы, сложил ладони в молитвенном жесте и закрыл глаза. Кот последовал его примеру и, расположившись рядом, растянулся на солнышке.

Алёна решительным шагом прошла к соседнему строению, и вошла внутрь. Антонио, решив постараться каким-либо способом разговорить девушку, последовал за ней. Войдя, он огляделся по сторонам. Оказалось, что вошли они в просторную кузницу. Посреди неё стоял большой горн с мехами, а по углам разместились не законченные изделия и железные заготовки. На старом верстаке в аккуратном порядке разложен был инструмент.

Девушка сняла с гвоздя кожаный передник и, одев его на себя, и взяв в руки кочергу, принялась поправлять огонь в горне явно приготавливаясь заняться кузнечным делом. Передник был ей явно велик. Антонио был удивлён. Ещё ни разу в жизни ему не приходилось встречать женщину, которая бы работала в кузнице! Он подошёл к ней ближе.

— Алёна, — сказал он, обратившись к ней. Она подняла на него глаза и вопросительно на него посмотрела. — Ты здесь одна? Понимаешь? — он указал сперва на неё, потом показал один палец и переспросил: — Одна?

— Да, да, я одна, — ответила она, кивнув головой.

— П-почему?

— Чума, — тихо ответила она и глаза её увлажнились.

Антонио вздрогнул. «Чума». Он слышал это слово и знал, что оно означает в их краях то же самое, что и peste (чума, итал.). Он ещё раз огляделся по сторонам, ещё раз взглянул на бывший большим Алёне передник и понял — видимо, она жила здесь с отцом, который был кузнецом. Но отец умер от чумы, и она осталась одна. Это и объясняет, откуда у неё в доме есть рубаха, оказавшаяся ему в пору, и кузница, явно не являвшаяся её постоянным делом. Это также могло служить объяснением почему эта деревня пуста.

Тем временем, Алёна взяла в углу какой-то прут железа и решительным движением воткнула его в горячие угли в очаге, явно намереваясь приняться за работу.

— Алёна, — продолжил допытываться Антонио. — Где мы?

Алёна повязала на голову простую косынку и задумчиво посмотрела на него.

— В деревне Орехово. Орехово.

— Орехово, — повторил Антонио, совершенно не помня, чтобы прежде слышал это название от кого-либо прежде. Проклятый проводник завёл их не понятно куда! Положение было отчаянное.

— Алёна, Минск? — Предпринял художник новую отчаянную попытку.

Глаза девушки округлились от удивления.

— Минск? Вам надо в Минск?

— Д-да, да! Минск. Я худ-дожник. Рисую п-портрет. — Антонио попытался сделать в воздухе движения кисти и завершил его круговым движением вокруг лица, а потом попытался изобразить жеманную девушку, сложившую ручки в красивой позе. — Как т-туда добратсья? В Минск? — продолжил он, изображая пальцами руки идущего человечка.

— Это далеко! — сказала Алёна и махнула рукой, как бы показывая дорогу. Примерно 10 дней, — добавила она и показала все пальцы на руках.

Антонио задумался, но было видно, что он понял смысл того, что она говорит.

— Т-ты знаешь, как т-туда добратсья? Как идти в Минск? Т-туда, или т-туда? — продолжал Антонио расспросы, указывая рукой в пространстве то в одну, то в другую сторону.

И только Алёна собралась сказать, что она прекрасно знает, как добратсья до Минска — ведь её отец неоднократно возил её туда на ярмарку, как снаружи раздался душераздирающий визг и крики Панфило. Оба — девушка и художник — замерли, в ужасе глядя друг на друга. Кровь застыла в жилах у обоих. Антонио нашёлся первым и, схватив какой-то случайный прут в углу кузницы, выскочил наружу, готовый постоять за брата Панфило. Алёна последовала за ним.

От представшей их глазам картины, оба они едва не покатались со смеху. Брат Панфило с ногами забрался на завалинку и отмахивался от кота ногами и руками, вслух произнося короткие молитвы на латыни. Чернушка — а именно так звали этого кота — не мог понять при этом чем его подарок так не устроил гостя. Дело в том, что кот принёс брату Панфило домовую мышь, которую поймал несколько минут тому назад!

Антонио расхохотался — кажется, впервые за долгие годы — и его веселье быстро передалось Алёне, которая тоже рассмеялась от души.

— Брат Панфило, — начала она, — да ведь Чернушка просто хотел тебя подкормить! Ведь ты же так хотел мяса! Вот он тебе мясо и принёс!

Монах, понял её слова без труда, т.к. слово «мясо» он уже успел выучить и смущённо улыбнулся, прекратив отмахиваться от кота. Чернушке, однако, было велено унести угощение и съесть его в другом месте, а потому кот удивлённо взглянул на монаха и гордо прошествовав через двор, скрылся в кустах.

Утерев слёзы от смеха, Антонио подошёл к Панфило и помог ему слезть с завалинки, после чего вернулся с расспросами к Алёне.

— Алёна, т-так всё же — как д-добратсья до Минска?

Девушка взяла веточку и начала чертить на мокрой земле, приговаривая:

— Надо ехать мимо Бреста — в Пинск, дальше вдоль реки — в Мозырь, потом — в Слуцк, и дальше уже — будет Минск. 10 дней, — повторила она, вновь показав все пальцы на руках.

— Великолепно, Панфило! — обратился Антонио к монаху, — кажется, нам несказанно повезло — она знает, как добратсья до Минска!

— Если я правильно понял, — ответил монах, — дорога займёт примерно 10 дней? Это не так много! Выходит, мы скоро доберёмся до нашей цели!

— Д-да, но т-ты забываешь, отец мой, что нам предстоит идти п-пешком, без еды и денег!

— За то моё письмо к епископу уцелело! Потому что оно у меня в ботинке! — не без гордости за свою находчивость сказал монах.

— Панфило, лучше бы ты умел говорить на местном языке! Я до сих пор не могу понять — как тебя вообще сюда могли отправить? Маркиз уверял, что ты знаток языков.

— Я действительно знаток языков, — слегка надувшись ответил монах, — я в совершенстве владею древнегреческим, немецким и даже немного знаю арабский язык!

— Но зд-десь нам эти т-твои познания никак не п-помогут! Разве что у нашей с-спасительницы окажется «Гомер» Овид-дия в оригинале!

Панфило ответил какой-то не понятной Антонио фразой на латыни и напустил на себя важный вид.

— Как же нам д-добраться до Минска? — рассуждал вслух Антонио, подойдя к плетню и задумчиво глядя на почти заросшую и покрытую грязью и талой водой дорогу, ведущую в горизонт из этой покинутой людьми деревни. — У нас нет д-денег, нет т-транспорта, мы н-не знаем язык. Мы заст-тряли в этой богом забытой д-деревне и что нас д-дальше ждёт — неизвестно!

И тут, словно гром среди ясного неба, Антонио явственно услышал ржание коня откуда-то из-за спины. Он оглянулся. Рядом с Алёной стоял конь! Да какой конь — настоящий тяжёловоз! Ещё никогда Антонио не приходилось видеть таких лошадей — настолько конь был крупный, высокий и сильный.

Алёна улыбнулась Антонио и просто сказала, указывая пальцем по очереди на себя, его и монаха:

— Я, ты, он — Минск!

Глава 7. Путь вдаль и дар отцовского ножа

А ведь Антонио был уверен, что ему почудилось в ту ночь после ограбления, что он слышит не только шаги человека, но и фырканье лошади. Значит это был этот самый конь! Глаза Антонио загорелись надеждой.

Панфило также посмешил познакомиться с животным, и, разумеется, прочесть над ним молитву. Подойдя к коню он спросил, погладив его по мягкой мохнатой морде:

— Алёна, его имя? имя?

— Зорька! — отозвалась Алёна, не без гордости глядя на жеребца.

— Зорька! — торжественно начал Панфило, — Тебе предстоит великий путь! На тебя возлагается важная миссия! И, поверь мне, это — великая честь — доставить в Минск Антонио Лоренци — художника из Сиены, и его верного спутника — Панфило ди Сан-Джованни, из Монастыря Святого Франциска в Ассизи! Помни о такой великой чести и вези нас хорошенько и аккуратно! И да прибудет с тобой благословение Бога!

Зорька фыркнул и мотнул головой, из чего путники не могли бы сделать однозначного вывода — согласен ли он с Панфило или нет.

К вечеру того же дня Антонио вместе с Панфило выкатили из старого сарая кибитку, покрыв её крышу большим многократно заштопанным куском брезента. Затем Панфило занялся отдыхом, т.к. его тучное тело не позволяло ему долго трудиться, а художник и дочь кузнеца принялись за сборы: надлежало уложить в кибитку запасы сена и зерна для Зорьки, еды для них самих, а также взять с собой инструменты, могущие пригодиться в дороге.

Что казалось Антонио удивительнее всего, так это то, как легко они с Алёной понимали друг друга. Она показывала на предметы, брала их в руки и голосом и жестами поясняла как их используют или зачем они могут пригодиться в дороге. И всё ему становилось понятным. Теперь он видел ясно, что Алёна не только унаследовала инструменты своего отца, но и его навыки. Так, становилось ясным, что она в состоянии подковать Зорьку, починить колесо у кибитки, развести костёр, удить рыбу и стрелять из самодельного лука, который также было решено взять с собой вместе со стрелами, оснащёнными железными наконечниками. Всё это казалось Антонио навыками действительно полезными в предстоящем им путешествии.

— П-почему ты помогаешь, Алёна? — спросил Антонио, надеясь получить и понять ответ. — Почему едешь с нами?

Она помолчала. И потом, когда глаза её наполнились слезами, она показала ему указательный палец и сказала кратко:

— Я одна.

Антонио глубоко вздохнул. Разумеется, он её понял. В этом мире любому человеку не просто жить одному. А молодой девушке, здесь — в заброшенной деревне, при кузнице — и подавно. Здесь в любой момент могли появиться разбойники, и некому будет даже защитить её. Да что защитить! Ей даже поговорить здесь не с кем! Он подумал вдруг о себе. Как часто вечерами он сидел в полном одиночестве у окна, после своего скромного ужина, и так многое хотелось ему сказать о том, что он видел, гуляя по городу, что прочитал в новой увлекательной книге, что купил на прошлой неделе в лавке, и о каких научных открытиях слышал в библиотеке от двух молодых учёных, затеявших там спор.

Как часто хотелось ему поговорить о вопросах, которыми он сам задавался. Но... поговорить ему было решительно не с кем. Супруга его разделяла его убеждения, взгляды, буквально растворяясь в нём. Он не надеялся больше встретить подобную ей женщину. Вращаясь в светских кругах, он встречал в основном женщин, заботящихся о собственной важности, или интересующихся платьями и шляпками, и им не было дела до устройства чужой сложной души. А потому, он прекрасно понимал сейчас Алёну. Да — он не знал, чем закончится их путеше-

ствие, но всё-таки он должен был признать — даже краткое это путешествие в компании двух иностранцев — должно бы казаться Алёне глотком свежего воздуха в пустыне безмолвия.

Итак, кибитка была готова к путешествию. Вся необходимая поклажа была приготовлена и сложена в ящики в передней и задней её части, а также внутри. Отъезд был назначен на следующее утро. Зорька, предвкушая дорогу, беспокойно топтался на месте у себя в стойле в сарае, когда поздно вечером пришла Алёна, чтобы расчесать ему гриву и успокоить. Она долго шептала ему что-то ласковым тоном на ухо, стоя на перевёрнутом пустом бочонке, и конь слушал, точно мог понять её слова.

Ложась спать на отведённую ему лавку, Антонио сквозь опущенные ресницы наблюдал за Алёной, которая стояла на коленях перед образом в углу и молилась при свете маленькой скудной лампадки. Брат Панфило, сидевший в углу у печи, поднялся, подошёл к ней и, бухнувшись на колени рядом с ней, тоже принялся за молитву. Было что-то удивительное в этой смеси латыни и непонятного языка восточных славян, слившихся в этот вечер в единый нестройных хор, обращаясь к единому Богу.

«И там, где двое будет вас, там я буду третьим среди вас» — вспомнились вдруг Антонио слова.

Тяжело вздохнув, он отвернулся к стене и заснул.

Утром, чуть только заря тронула небосвод, Алёна вышла на улицу и принялась кормить Зорьку перед дорогой, да проверять поклажу. Погода обещала быть хорошей и солнечный тёплый денёк с небольшим ветерком — это было именно то, что могло бы порадовать путников, т.к. нет ничего хуже, чем застрять посреди грязной дороги в дождь.

Антонио проснулся рано и одел приготовленную ему Алёной с вечера одежду — тёплый шерстяной камзол, шапку, штаны на тонком слое ваты, да пару сапог — всё вещи, когда-то принадлежавшие отцу Алёны. Подвязавшись поясом, он вышел во двор, чтобы помочь Алёне запрячь Зорьку и вытолкнуть кибитку на дорогу. Едва только он вышел на крыльцо и встретился взглядом с Алёной, как она замерла при виде его.

Подойдя совсем вплотную к нему, она положила ладони на его грудь и оглядела его.

«Бог мой, как в пору пришлась этому человеку одежда моего отца! Точно по мерке! И если бы он был хоть чуточку поход на отца внешне — в самом деле, я могла бы подумать, что это он вернулся ко мне!» — так думала Алёна, молча и внимательно разглядывая Антонио. Невольно, она прижала лоб к его груди и прошептала:

— Папа!

Антонио, повинуясь скорее инстинкту, чем велению культуры, положил свои широкие тёплые ладони на её крепкие, но всё-таки девичьи плечи.

— В дороге я буду представляться твоим отцом. Я буду папой. Понимаешь? Я — папа.

Алёна посмотрела на него и показала жестами, что ему лучше молчать и не говорить вообще ни слова, дабы не выдать в себе иностранца. Антонио кивнул в знак согласия.

— Ха! — сказал он с лёгкой усмешкой, — а вот нашего брата Панфило невозможно было бы заставить молчать!

Не поняв ни слова из того, что он сказал, Алёна улыбнулась ему и, взяв его за руку, поманила за собой в кузницу. Антонио послушно последовал за ней. Он мог понять, как жалко ей было оставлять без присмотра отцову кузницу. Но что поделать? Ведь нельзя же, в самом деле, взять с собой горн или наковальню!

Она подошла к верстаку и, взяв что-то оттуда, подошла к Антонио. Взяв его ладонь в свою, вложила в неё свёрток из куска льняной материи. Антонио развернул его. Внутри свёртка оказался прекрасный нож. Видно было, что прежний хозяин его знал толк в подобных вещах! Это был не нож для разделки мяса, и не нож для чистки картофеля, это был боевой нож. С крепкой и ухватистой ясеновой рукояткой, он лежал в руке, как влитой. Толстый клинок, острый как лезвие бритвы, обещал не подвести, если вдруг понадобится.

— Это папин нож, — сказала Алёна, — его лучшая и самая тонкая работа.

Антонио, сделав несколько точных движений в воздухе, не был в силах скрыть своего восторга и благодарности за доверенное ему оружие. Завернув нож обратно в ткань, он сунул его за голенище сапога, а потом наклонился и поцеловал Алёну в лоб. Она улыбнулась, и они оба вышли из кузницы, закрыв за собой распашные двери на большой деревянный засов.

Алёна начала испытывать волнение перед предстоящей поездкой. Ещё вчера вечером это казалось чем-то возможным, но не реальным. Но теперь, когда они действительно сядут в повозку и тронутся в путь, сердце её болезненно сжималось. Она оглянулась по сторонам — не пропуская ни единый уголок её скромного хозяйства. Кузница была надёжно заперта. Ставни на доме — закрыты. Всё — как следует тому быть, когда отправляешься в путь. Но это путешествие, которое не должно было продлиться слишком долго, всё таки вызывало в ней чувство, будто она оставляет не дом, а лучшего друга, и будет очень скучать по нему. Ведь одно дело — съездить с Зорькой в Брест или в одну из соседних деревень, и совсем другое — добраться до Минска!

Антонио прошёл к кибитке и вместе с Алёной они впрягли в неё не менее взволнованного Зорьку, после чего помогли Панфило забраться внутрь кибитки, дали ему на руки Чернушку, а у задней стенки поставили горшки с геранями, которые Алёна не желала оставлять без присмотра, закрыли ворота и тронулись в путь. Антонио шёл чуть впереди от Зорьки, держа в руках длинный посох, а Алёна шла рядом с кибиткой, придерживая Зорьку за удила.

Красное Солнце вставало над бесконечной ширью лесов, полей и лугов Речи Посполитой, согревая птишек и животных этого прекрасного края своим теплом. А в это время по дороге от заброшенной деревни Орехово, где дома давно покосились, а церквушку обжили галки, в сторону города Пинск двигалась неспешно кибитка, увозя с собой путешественников к новым поворотам дороги и новым виткам непредсказуемой судьбы.

Глава 8. Лесные тропы и пробуждение души

Дорога до Пинска лежала на несколько дней пути и проходила через леса и поля, проходя порой вдоль болот. Тёмные стволы дубов ярко контрастировали с чуть бирюзовой голубизной неба. Там и тут между деревьев прыгали белки. А на самом верху отдельных деревьев можно было заметить птиц, строящих свои гнёзда.

На одном из тех участков, где дорога проходила рядом с болотами, путешественники сделали одну остановку, в ходе которой Алёна, проверяя землю под ногами длинным шестом, несколько раз отходила шагов на двадцать вглубь покрытого кочками пространства — к небольшим берёзкам. Собрав прямо под ними целую гору рыхлого мха, Алёна, вернувшись к кибитке, аккуратно сложила находку в уголке, предоставляя своим путникам лишь догадываться о цели такого приобретения.

Зорька шёл не спеша, с необыкновенной лёгкостью везя за собой гружёную кибитку по не разъезженной и местами ещё обледенелой дороге. Брат Панфило маялся от скуки и старался занять своих спутников, а большей частью — Чернушку — своей нескончаемой болтовнёй. Так, придумав себе развлечение, он показывал Алёне самые разные предметы и спрашивал, как они называются на её родном языке, приходя в неописуемый восторг от новых открытий.

Хорошенько порывшись в просторных полах своего одеяния, Панфило, к изумлению своих спутников, извлёк на свет Божий небольшой блокнот и... перо, а также флакончик чернил. Откупорив флакон, он разместил его в щели у края козел и, окуная в чернила кончик пера, принялся записывать свои вопросы и ответы Алёны в виде итальянской транскрипции.

«Надо же!» удивился про себя Антонио, «он, оказывается, умеет писать! Вот уж действительно — знаток языков!».

Тем не менее, несмотря на все усилия брата Панфило к развлечению себя, он в конце концов утомился, а день, как и дорога, тянулся бесконечно долго. К полудню монах проголодался и стал уже совершенно не сносным, потому что жаловался на голод поминутно. В конце концов, Антонио и Алёна были вынуждены уступить, и, свернув с дороги на небольшую неприметную излучину, остановили Зорьку в ста шагах от дороги. Было решено костра не разводить, а подкрепиться только тем, что есть простого с собой — чёрствым хлебом с солью и черемшой, да выпить квасу.

Пока Панфило отдувался после «такой утомительной дороги», сидя на поваленном стволе дуба и греясь на Солнышке вместе с котом, Алёна подошла к небольшой речке, протекавшей в двадцати шагах от того места, где они отдыхали, и окинула её критическим взглядом. Из своего опыта она знала, что именно в такой речке и можно было бы словить несколько вкусных рыбёшек, кои водятся в этих краях в изобилии, а вечером приготовить из них скромный и сытный ужин.

Недолго думая, она направилась к кибитке и, вытащив из неё небольшое удилище с длинным кручёным шнуром, сделанным из конского волоса, и снабжённым острым маленьким крючком, обмотанным точащими во все стороны кусочками пера и шерсти — явно имитирующим насекомое, она направилась обратно к реке. Поняв её намерения, Панфило поспешил вслед за ней и, заняв удобное выжидательное положение на берегу, принялся наблюдать за ней, а также молиться о хорошем улове.

Трудно было сказать — сноровка ли Алёны, знание рельефа местности и особенностей рек, или удачная приманка в виде жучка или гусеницы, а может даже молитвы брата Панфило — а только рыбалка действительно удалась — точно, как в истории про апостола Павла! Поймав с десятка серебристых рыбок с оранжевыми плавниками, Алёна сложила их в садок, сделанный веток ивы, и, улыбнувшись объявила Панфило, что это — их будущий ужин. Монах довольно потирал руки и облизывался в предвкушении горячей еды.

Тем временем Антонио бродил возле кибитки. Он смотрел на деревья такими глазами, словно впервые их увидел после долгих лет слепоты. Он примечал всё — оттенок коры в солнечном свете и в тени, впадины и бугорки, дупла и корявые корни, толстые могучие стволы и рядом — совсем молодые деревца, которые только начали свой жизненный путь. Всё вокруг оживало и ему казалось, что и он сам словно вдруг начал оттаивать и замечать красоту природы в её несовершенстве и изыянах, в её простоте. Не было в этот момент ни мрачного прошлого, ни неясного будущего. Был только этот пьянящий воздух, этот тихий лес, эти деревья. Антонио был просто собой, и просто был здесь сейчас, и мог ни о чём не думать, кроме как о красоте окружавшей его природы.

Появление светящегося, как лучина, Панфило, несущего в руке садок, полный рыбы, вернул Антонио к действительности и насущным вопросам их совместного путешествия. Панфило ярко и образно рассказывал Антонио, как ловко Алёна рыбачит, и как он, сидя на бревне, сбился со счёта — так много рыбы наловила их радушная хозяйка. Алёна смеялась и отмахивалась рукой, говоря, и это можно было понять и не зная её языка, что ничего особенного в своих навыках она не находит. Однако, лёгкий румянец и довольный блеск не скрылись от внимательного взгляда Антонио. Он понимал, что она также довольна уловом и рада, что её затея с рыбалкой удалась.

Немедля долее ни минуты, путники тронулись в дальнейший путь. Ночевать им предстояло под открытым небом, а потому Алёна настаивала на том, чтобы Антонио вместе с ней сел бы в кибитку, и они пустили бы Зорьку быстрым шагом, чтобы поспеть до темна найти подходящее место для ночлега. Панфило занял своё место и принялся не только разговаривать, но и охранять свой драгоценный улов от кота Чернушки, который, почуяв рыбу, начал активно ей интересоваться. Монах нравоучительным тоном призывал кота отказаться от греховных мыслей, и прекратить гнусные попытки стащить рыбку, а, набравшись мужества, терпеть до ужина. Антонио не мог сдержать улыбки, слушая глупую болтовню монаха, и иногда бросал взгляды на Алёну, дивясь тому, как ловко она правила Зорькой.

Вечером того же дня путники остановились на небольшой опушке под высоким старым дубом. Алёна нарубила маленьким топориком ветвей с близлежащих кустов и с помощью Антонио прикрыла ими кибитку. Зорьку накормили и стреножили, привязав к дубу. И только после всех этих приготовлений, принялись за организацию привала. Решено было, что Алёна будет ночевать в кибитке, а Антонио и Панфило будут по очереди дежурить, поддерживая костёр, чтобы отпугнуть диких животных. А спать они будут между кибиткой и костром, чтобы было теплее.

Запечённая во мху рыба оказалась несколько вкусной, что брат Панфило долго облизывал пальцы и хвалил кулинарное мастерство Алёны и щедрые дары природы. Чернушка также был в восторге от предложенного ему угощения. Панфило нисколько не тосковал по монастырской еде, и сказал своим попутчикам, что в этом путешествии им надлежит принимать все дары Господа вне зависимости от поста или правил, потому что цель их святая — выполнить свой долг перед церковью и маркизом — и благополучно вернуться обратно.

Обратно. Антонио задумался и посмотрел на костёр. Вот только сейчас — спустя более, чем месяц, как он покинул свой дом в Сиене, он в серьёз подумал о том, что ведь наступит день, когда ему придётся возвращаться обратно! Сердце мучительно сжалось от этой мысли. Рука сама потянулась к мешочку на шее. Но вместо того, чтобы открыть его и, вынув портреты, посмотреть на них, Антонио только погладил мешочек пальцами и опустил руку.

Есть ли у него дом в самом деле? Кто ждёт его там — в Сиене? Кто ждёт его где-либо? Нет, он знал это точно — его никто и нигде не ждал. Разве что его приказчик. Миру было безразлично его существование. И даже его богатый клиент скорее предпочёл бы его гибель в далёкой стране, чем возвращение к общению с ним в рамках очередного заказа на порт-

рет какого-то великосветского родственника, вся доблесть которого сводилась к толщине его кошелька и стечению обстоятельств в виде рождения в семействе Бонаventura!

Голос девушки вырвал художника из его размышлений. Пожелав всем доброй ночи, Алёна отправилась спать вместе с Чернушкой. Панфило прочитал короткую молитву и тоже улёгся на постель из веток и мха. А Антонио остался стеречь и поддерживать костёр, погружившись в воспоминания о своём детстве и юности.

«Интересно», размышлял Антонио, «относился бы ко мне с прежней симпатией брат Панфило и уж тем более — Алёна — если бы знали правду о моей жизни?». Он нахмурился и сам себе дал отрицательный ответ. Но разве он сам выбрал такую судьбу? Разве не поступал бы любой на его месте так, как поступал он, когда вопрос стоял прямо и ясно: «Или тебя убьют, или ты убьёшь!»?

Антонио был уверен, что Панфило, конечно, предпочёл бы смерть и принял бы её, как подобает мученику. Алёна же, наверное, не сдалась бы без боя. А вот он сам — Антонио — он был тем, кем он был — вором, грабителем и убийцей, потому что рождён он был какой-то проституткой на окраине Сиены, и был подобран в грязных трущобах её сердобольным старым преступником, на сына которого Антонио поразительно походил внешне, чем и покори́л сердце старика.

А так как жил приёмный отец Антонио далеко не как праведник, то и сына своего приёмного он научил выживать в жестоком мире преступников, грабителей и убийц. Однако, потеряв из-за такого рода деятельности своего настоящего сына, отец желал для Антонио другой участи, а потому, едва только он разглядел в мальчишке талант живописца, как тут же отдал его в ученики к художнику и запретил промышлять их основным ремеслом, снабжая сына деньгами на мелкие расходы и оплачивая его учёбу. И надо отдать справедливость — за это Антонио был искренне благодарен своему отцу. А о том, что могло бы стать с его жизнью без его поддержки, Антонио даже не хотелось и думать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.